

ной фантастики патеричных легенд. Эта фантастика создается «по образу и подобию» той повседневной действительности, которая окружает человека: факт превращается в сказку, вымысел, не теряющий связи с жизнью, но раскрывающийся так, чтобы читатель уверовал в особую силу именно печерского подвижника и монастыря, которая и делает быть сказкой. Испеченный из лебеды Прохором хлеб становится сладким, как мед, и питательным, когда им оделяет сам Прохор, но тайком взятый даже монахом — он горек, как польнь; в руках Прохора зола становится солью, но отнятая князем она и остается золой, пока князь не откажется от нее. Агипиту простая «монастырская ядь» служит лекарством, помогающим даже против таких болезней, от которых не может вылечить искуснейший врач с его «зелием». «Чудеса» подвижника зачастую представляют ту доморощенную фантастику, которая корнями уходит в народную сказку. Святой заставляет досаждающих ему бесов проделывать за него будничную работу: молоть зерно, таскать на гору бревна, да еще раскладывать их по назначению («вместе покров, и особь помост, и особь великое дубие, неудобь носимо за долгость» — стр. 118). Если к некоторым «необыкновенным» чудесам Киево-Печерского патерика (усыпить и сделать неподвижными воров, невинно войти в огонь) можно, как мы видели, найти параллели в переводных патериках, то фантастика, превращающая простые будничные факты в сказку, представляет своеобразную особенность русских патеричных легенд XI—XII вв. О чудесах и рассказано в манере бытописания, без применения агиографической стилистики. В этих эпизодах заметно проступает «народный тип» литературного языка, оттесняющий «церковно-книжную» основу языка агиографического стиля.

Подведем итоги. Наблюдения над тем, как в разных типах житийного жанра XI—начала XIII в., собранных в Киево-Печерском патерике, применялся «агиографический стиль» в том виде, как его охарактеризовал для этого периода И. П. Еремин, показали, что даже развернутое житие Феодосия, автор которого отлично владел приемами этого стиля, не ограничивается в своем изложении средствами, назначенными рисовать идеально преображенный мир. Еще более ощутимы отступления от требований агиографического канона в рассказах-легендах о «черноризцах печерских». Связанной задачей представить своего героя во всех отношениях образцовым христианином, идеалом монашеского поведения, агиограф лишился возможности раскрыть противоречия в «нраве», «помыслах» и поведении «святого». Однако сама реальная действительность подсказывала нередко автору такие факты, которые не укладывались в предуказанную агиографическим стилем схему, и тогда в характеристике действующих лиц появлялись не преображенные идеализацией живые черты, а раскрывалась сложность и противоречивость их внутреннего мира, «душевное развитие» представлялось как борьба «земных» устремлений с обетами инока, весь образ подвижника становился человечнее, менее односторонним.⁴⁶ В поле зрения авторов попадали окружавшие подвижника люди, и

⁴⁶ В свете этих наблюдений трудно согласиться с категоричностью противопоставления изображения людей в XII—XIII вв. и в житийной литературе конца XIV—начала XV в. Д. С. Лихачев так формулирует это противопоставление: «Если в XII—XIII вв. изображения людей статичны и монументальны, напоминают геральдические фигуры, взяты как бы в их „вечном“ смысле, то в житийной литературе конца XIV—начала XV в. все движется, все меняется, объято эмоциями, до предела обострено, полно экспрессии. Авторы конца XIV—XV в. как бы впервые заглянули во внутрен-